

Н. КОЯЛОВИЧ Обесмысливание смысла истории (Уэллс и Шпенглер)

Почти одновременно, как следствие единого факта исчерпания возможностей идеалистического и мистического миропонимания, родились две интерпретации оценки исторического процесса и проблем современной жизни, теория Г. Уэллса¹, релятивиста, скептика в душе, с лицом догматика, о спасении цивилизации и теория О. Шпенглера², скептика, релятивиста с лица, но с душой догматика, о гибели культуры.

Говорят, что когда двое делают одно и то же, то выходят разные вещи. Относительно Уэллса и Шпенглера следует сказать несколько иное: когда двое делают разные вещи, то иногда выходит то же самое. В данном случае и Уэллс и Шпенглер, совершив многое, достигли непредвиденного в «Книге Предвидения»³ результата — снятия⁴ в пределах собственных теорий и проблем и их решений.

Но эти теории скептического догматизма и догматического скептицизма, как величественные симптомы великих изменений, достойны исключительного внимания. Герой одной из фантазий Уэллса, в беседе с ангелом, сказал парадокс: «Нет ничего более невероятного, чем абсолютно возможное»⁵.

Не для постановки идеалистической проблемы о возможности возможности⁶ привожу я эту цитату, но, чтобы, совершив «обращение» этой мысли и сказав: нет ничего более вероятного, правдоподобного, чем абсолютная ложь, — уяснить, как мне кажется, тот психологический факт, что «книга Шпенглера... выдержала в Германии несколько десятков изданий и имела небывалый успех у читателей».

Могло бы быть реальным, как чистая возможность⁷ только, а следовательно, оно совершенно не действительно, не реально, то, что утверждает Шпенглер. В этом очарование и правдоподобие стиля его дедукций «вне стиля» для опрокинутых поражениями в империалистической войне и революционными событиями в Германии буржуазных немецких лиц, его величие в «несколько десятков изданий», как систематического теоретика.

Это последнее утверждение, несмотря на решительное отрицание Шпенглером всякой систематики, остается точным и в отношении систематичности его отрицания и в

Печатается по: Николай Коялович. Обесмысливание смысла истории (Уэллс и Шпенглер) // Книга и революция. Ежемесячный критико-библиографический журнал. 1923. № 3 (27).

¹ Герберт Уэллс. Международная катастрофа 1914 года и ее последствия. Пер. с англ. Вл. Круковского, с пред. Р. Арского. Гос. Издат., П. 1923, стр. 120 + VI + 4 нен. Тир. 10.000 экз.; Герберт Уэллс. Спасение цивилизации. Пер. А. М. Карнаухова. Изд. «Мысль», Петр. 1923, стр. 190 + 2 нен. Тир. 5000 экз.

² Освальд Шпенглер. Закат Европы. Т. I. Образ и действительность. С пред. проф. А. Деборииа, пер. Н. Ф. Горелина. Изд. Л. Д. Френкель, П. 1923. Тир. 4000 экз., стр. XXXI + 467 + 2 нен.; О. Шпенглер. Пруссизм и социализм (Фрагменты). Современный Запад, шт. первая и вторая. Гос. Издат., П. 1923, стр. 23 + 36.

³ Г. Уэллс. Спасение цивилизации, стр. 129: «ответом на эти вопросы (о будущем) и должно быть то, что я называю книгою Предвидения».

⁴ О. Шпенглер. Пруссизм и социализм, кн. 2, стр. 190, «Проблема не была решена и она распалась».

⁵ Герберт Уэллс. Чудесное посещение. Пер. с англ. М. Ликиардопуло. Гос. Издат. 1922, П., стр. 24.

⁶ См., напр.: Кант И. Критика чистого разума. Пер. Н. О. Лосского, П. 1915: А. Rosmini. Nuovo saggio sull'origine delle idee. 3 vol. 1830. и Teosofia, 1804 и 1873. Introduzione allo studio della Filosofia per Vincenzo Gioberti. Napoli, 1846—47.

⁷ Сам Шпенглер «решает» эту проблему. «Возможность — это значит необходимость». З. Е., стр. 47.

отношении систематичности построений «вне» систематичности.

Действительность — иная, в этом ничтожество его, как теоретического систематика, не выдерживающего, применяя терминологию его «магической науки», — «обратного удара» при «энвартовании на смерть»⁸ прямой линии исторического процесса, от логических несообразностей концепции, ничем не ограниченной в своей абстрактной символической или «ограниченной», в ответ на вопрос самого Шпенглера: «где лежат границы для подобных умозаключений»? (р. 1) таким вот тезисом: «Сродство для уразумения жилых форм — аналогия» (р. 2).

Но так как сам принцип аналогии не имеет аналогии, то, будучи только возможным, создает только «абсолютно возможное», не реальное.

Приняв такие, являющие собой пример «нищеты» даже идеалистической философии, предпосылки, как: психологизм, интуитивизм и «философии» в кавычках: магии, алхимии, графологии, Шпенглер затем пытался дать и дал, в противоречие афоризму, больше, чем самая красивая девушка Франции, — изящные картины возможных теорий истории.

Группа же его основных положений, не будучи совокупностью взаимопроникнутых принципов, догматична, не диалектична и, утверждая в замаскированной форме некоторую, по «магической» терминологии, «Унитарность», — полагает два аспекта реальности: природу и историю, ставшее и становление⁹.

Несмотря на свою же мысль, что: «Физическая теория есть интеллектуальный миф» (р. 448), Шпенглер все же заимствует метод для построения своей теории из теоретической физики. Ибо совершенно ясно, что, отрицая единую, уходящую в бесконечность, развивающуюся линию прогресса, — прямую линию исторического процесса («...будущность Запада не есть безграничное движение вверх и вперед по линии...» р. 40) и заменяя ее 4 определяющими «кривизну» таковой моментами: восход, зенит, закат, надир — рождение культуры, самораскрытие ее, ее иссякновение — цивилизацию и смерть — возвращение «к своему душевному отечеству» (р. 467), утверждая аналогичные, но не связанные круги, исторические «системы», каждый раз со всей иной «судьбой», Шпенглер пытается аналогично применить к истории метод специальной теории относительности. Роль преобразований Лоренца играют формальные моменты «одновременных», вне хронологии, эпох, столь же абсолютных по своему значению, как и тождественные значения двух координатных систем в момент соприкосновения¹⁰.

Наконец, инвариантами служат: пра-символ, судьба, «физиономия» той или иной культуры, говорящих «языком форм» (р. 92).

Возможность такого метода, подобно тому, как в теории относительности покоится она на учении о множествах и теории групп, у Шпенглера зиждется на «морфологии истории» и даже тоже на ... теории групп. Изучение языка форм — «физиономика» раскрывает смысл «пра-идеи» данной культуры. «Природа и история — вот два крайних противоположных способа приводить действительность в систему картины мира. Действительность становится природой, если все становление рассматривать с точки зрения ставшего; она есть история, если ставшее подчинять становлению. Действительность может быть созерцаема в ее образе — так возникает мир Платона, Рембрандта, Гете и Бетховена — или может быть понимаема в ее элементах, и тогда это

⁸ Под «энвартованием» и обратным ударом в магии подразумевается направление на врага «астральной молнии» для его убийства, при недостижении чего таковая возвращается к колдуну и поражает его. См., напр., Lancelin. *Le Tournaire magique de Shatan*.

⁹ Шпенглер не затрудняется квалифицировать математику, «логику пространства», как пригодную только для уразумения «мертвых форм» и аналогию для «живых» для становления, в то время как само понятие становления является предметом математического анализа. См., напр., G. Grassman. *Die lineale Ausdehnungslehre* 2 Aufl.

¹⁰ См. полезную для понимания Шпенглера статью К. Кайе «Уравнения принципа относительности и геометрия». Пер. П. Юшкевича. «Нов. идеи в мат.», сб. № 7. Изд. «Образ». СПб. 1914.

миры Парменида, Декарта, Канта и Ньютона» (р. 105). Таким образом, «познание и природа идентичны, а... созерцание... есть такой акт переживания, такой феномен, который в самом процессе своего осуществления есть история» (р. 106).

Далее: «Все происходящее совершается один раз и никогда не повторяется. Оно подчинено принципу направления¹¹ («времени») («необратимости»).

Шпенглер считает возможным (р. 16) сравнить себя с Коперником¹² и полагает, что у западных мыслителей отсутствует «сознание исторически-относительного характера достигнутых ими результатов, являющихся выражением только одного определенного существования, знания неизбежной ограниченности значения всякого положения, убеждения, что его «неопровержимые истины» ... истинны только для него и важны только в его аспекте мира». Он думает, что «это необходимое условие полноты всякой философии будущего (р. 22). Еще определеннее: «нет вечных истин» (р. 42). «Истины существуют только по отношению к определенному человечеству» (р. 48). И даже: «Сравнительная морфология форм познания — вот задача, подлежащая разрешению западных мыслителей» (р. 70). Однако сам Шпенглер приглашает смотреть на исторические и культурные явления: «не из закоулка какой-нибудь «точки зрения», но с *вневременной* (курсив Н. К.) высоты» (р. 34).

Я полагаю, что из изложенного уясняется, во-первых, применение Шпенглером метода специальной теории относительности, во-вторых, расширение этого метода до принципа относительности знания и, в-третьих, вопиющее *contradictio in adjecto*, немедленно возникающее при его желании создать вневременную морфологию истории.

В самом деле: или суждение о замкнутости исторических кругов — культур есть результат суждения одной из замкнутых в себе культур; или это суждение не есть суждение одной только, определенной культуры, в пределах одного круга действительности и оставляет возможность суждения и о другой, третьей, всех иных культурах.

Тогда, в первом случае есть только единая, так как нет хотя бы двух культур, двух кругов, прямая, единственная линия культуры и истории, и нет морфологии истории: во втором случае есть не только морфология истории, но и возможность истории морфологии, наука о морфологии, с вневременными истинами, т. е. тем самым единая история и единая прямая линия развивающейся единой культуры, не замкнутой в кругах, неотносительное знание.

Для Шпенглера существует пра-идея идей, некая действительность, становящаяся всякий раз иным образом, но всегда становящаяся, она определяет в качестве судьбы пра-символ культуры. Пра-символ пра-символов определяет историю истории как пра-символ каких бы то ни было символов истории. Такое противоречие в умозаключениях Шпенглера представляет весьма странный, неприемлемый факт. Неужели же, следует поставить вопрос, Шпенглер мог не знать совершенно аналогичное, историческое противоречие в системе Канта, блестяще вскрытое Ф. Г. Якоби¹³ относительно понятия вещи в себе, когда он так формулировал его: «...без такой предпосылки я не могу войти в систему, а с такой предпосылкой не могу в ней оставаться», мог не знать соответствующего вывода, сделанного Фихте о возможности вне-опытного, отрицаемого «Критикой чистого разума» применения категорий, именно на основании возможности отрицания этой возможности? Т.е. внеопытного применения?

Разве не тем же пороком страдают все идеалистические системы, а я оцениваю

¹¹ Шпенглер считает «направление» основным свойством времени, тогда как Гофлер показал, что понятие направления фундировано на двух, сосуществующих, следовательно, пространственных компонентах. См. об этом русск. пер. извлечен. из собеседований Венского Фил. Об-ва: Ф. Клейн — Л. Гофлер. Погранич. вопр. матем. и филос. «Н. идеи в мат.», сб. № 8, стр. 115—143. Изд. «Образ.», П. 1914.

¹² Это уже 4-й Коперник: первым был, как известно, сам Коперник, вторым Кант, третьим Эйнштейн и, наконец, теперь четвертым — Шпенглер. Надо думать, что в действительности их не меньше трех.

¹³ В прилож. к диалогу «Д. Юм о вере, или идеализм и реализм», т. II, соч. Ф. Г. Якоби. (Leipzig, 1815).

концепцию Шпенглера в имманентных ему пределах, — системы Когена, Ласка, Гуссерля, Ройса и проч. и проч.¹⁴

Разве не то же самое противоречие встретилось в математических трактатах¹⁵, было показано Бурали-Форти¹⁶ и перешло затем в качестве проблемы в математическую логику, о чем еще так недавно говорил проф. С. А. Богомолов в своей «Актуальной бесконечности»¹⁷.

Не может быть, утверждаю я, и, действительно, Шпенглер знает это свое противоречие и пытается дрянным способом избежать его. На стр. 49 «Заката», говоря о том, что только морфологический способ (и тем самым, относительный) видеть вещи: «вскрывает *настоящее* (курсив мой. — Н. К.) понятие истории», Шпенглер признает, что: «В свою очередь, сам он также есть симптом и выражение определенной эпохи и внутренне возможен, а следовательно, необходим только для нашего времени и для западно-европейских людей, вследствие чего его можно *отдаленно* сравнить только с некоторыми воззрениями *самой новейшей математики в области трансформационных групп*» (курсив мой. — Н. К.).

Но и помимо этого формального момента, этого знака на направление, в котором надо искать разрешения противоречия, есть еще момент в самой материи концепции Шпенглера. основной тезис не высказанный, но подразумеваемый, необходимое обоснование системы, безнадежно-висящей в воздухе чистой возможности, если ограничиться доказательствами, имеющимися в «Закате».

В следующих приводимых мною цитатах не из книги Шпенглера заключаются все необходимые изначальные предпосылки смысла и метода книги Шпенглера, частью им тоже высказанные, частью читаемые между строк в самой материи смысла построений, тотчас же с необходимостью занимающие места разрыва в цепи логических умозаключений. Притом необходимость включения в разрывы такого именно содержания идей — однозначно, т. е. никакие иные идеи не могут занять эти места, ибо всякая иная идея является элементом сферы теории познания или науки, — отвергаемых Шпенглером. В последнем случае это означало бы для Шпенглера признание отрицаемого им, признание своей теории не морфологией теории познания, но теорией познания морфологий, о чем он, конечно, знает, столь осторожно говоря о способе умозаключений, каковой лишь «отдаленно можно сравнить с... воззрениями... в области трансформационных групп».

Это возражение Шпенглера, позволяющее ему кажущимся образом избежать противоречие, я называю дрянным, так как вижу в нем, во-первых, прием *ad hominem*, ибо кто же, устрасаясь специальной премудрости, обратится к сочинениям Софуса Ли, а во-вторых, если математик остановит свое внимание на постулате I, могущем быть изложенным, отвлекаясь от символической формы, приближенно словами Кутюра¹⁸, так: «Группа есть ансамбль объектов, для которых определено сочетание такого рода, что результат сочетания из двух объектов является объект группы», то только для того, чтобы не найти ничего общего между постулатом и мыслью Шпенглера.

Ибо Шпенглер хочет сказать обратное тому, о чем говорит постулат, а именно, что действие между двумя объектами не однозначно, и результат может не принадлежать к сфере группы, выходя, тем самым, за пределы теории групп в некоторую иную область.

Поэтому, обращение к теории групп по приглашению Шпенглера не много бы дало, если бы... и в этом, — утверждаю я, — ключ к пониманию сокровенной его идеи, не

¹⁴ См.: Яковенко Б. Об имманентном трансцендентизме, трансцендентном имманентизме и дуализме вообще. Логос 1912—1913 г. Книга первая и вторая, Книгоизд. «Мусагет», М.

¹⁵ Кантор Г. Основы общего учения о многообразиях, стр. 62—63, пер. П. Юшкевича. «Нов. идеи в мат.», сб. № 6. Изд. «Образование», СПб. 1914.

¹⁶ Burali-Forti. Una questione sui numeri transfiniti. Rendiconti del circolo matematico di Palermo, XI.

¹⁷ Проф. Г. А. Богомолов. Актуальная бесконечность (Зенон Элейский и Георг Кантор). Academia, II. 1923.

¹⁸ Кутюра Л. Философские принципы математики. Пер. с франц. под ред. П. С. Юшкевича. Изд. Н. П. Карбасникова. П. 1913, стр. 195.

было еще ... книг, что ли, говорящих о... теории групп...

Вот несколько обещанных, удивительных цитат, уясняющих предпосылки концепции Шпенглера.

«Задача эта (герметизм и алхимия!) может быть формулирована, как процесс трансмутации грубейшего состояния... среды в наитончайшее ее состояние без выхода из рамок среды, т. е. без изменения общей квалификации объекта трансмутации в плане, к которому он принадлежит». «В алхимии занимаются Великим Деланием трансмутации... металлов в золото».

«В герметизме задаются целью переделать мусорного (!). несовершенного... человека в другое существо, не теряющее квалификацию... человеческой сущности, по отношению к среде, служащей объектом трансмутации».

Эти «предложения», взятые мною из «Курса Энциклопедии Оккультизма»¹⁹, даже внешне сходные с формулировкой I постулата имеют: во-первых, прямую связь с «областью трансформационных групп» признанием «унитарности» среды и подвластности таковой двух объектов «преобразований» и, во-вторых, выходят за пределы «теории групп» в некоторую иную сферу — принципов мистического познания, являясь пошлейшим выражением quasi-мистического учения Плотина о Едином («Оно как бы перелилось через край, и его преизбыток создал другое»²⁰).

Как будет видно из дальнейшего, эта идея определяет основные предпосылки Шпенглера о некоторой единой реальности, проявляющейся в замкнутых кругах культур, эманулирующих из нее и имеющих обратную связь с Единым.

Смысл понятия «Унитарности», входящего в «теории унитарности» трансформационных = трансмутационных групп», уясняется из «Аркана²¹ а = 1 (Унитарность) Название знака Alerph» (Продолжаю цитировать «Курс...»).

«Обращая внимание на строение символа, мы видим в нем намек на тройственность, в форме двух частей, спаянных третьею» (р. 1) «... здесь два при помощи третьего сливаются во-едино» (р. 2). «Во всех областях *познания* (курсив мой. — *Н. К.*) встречаются так наз. бинеры... т. е. совокупности двух противоположных областей» (р. 2). В этом факте «...усматривается возможность т. н. нейтрализации бинеров, т. е. нахождение третьего». «В этой фазе они являются лишь степенями одной и той же манифестации. И, следовательно, здесь два при помощи третьего сливаются во-едино». Затем эта «Унитарность» приобретает дальнейшую определенность. В основании всего лежит «Архетип» — Высшее Начало. *Divina Essentia*, оно: «раздваивается на *активное* и *пассивное* (курсив мой. — *Н. К.*) проявление, давая схему... треугольника» (р. 12).

Попутно дается бесплатный совет: «...говорите о природе, как результате группировки всех элементов... и эту совокупность мыслите, как динамизированную... принципом *каузальности*» (курсив мой. — *Н. К.*, р. 13).

Но этого мало. «Возвращаясь к нашему тернеру, будем утверждать, вместе с *Fabre d'Olivet*, что *мировая история* (курсив мой. — *Н. К.*) зиждется на мистическом треугольнике: Рок — Провидение — Человек».

В деятельности человека нам прежде всего бросается в глаза великий бинер: «Дух — Материя. Но что может связать дух с материей, что может дать переход от плана идей к плану реализованных предметов?» «...план, в котором энергия определяет формы. Вот схемы нашего скалярного (!) тернера: Дух—Энергия—Материя. Идеи—Формы—Реальные предметы» (р. 4).

Или если угодно: «Образ — и — Действительность», становящиеся — и —

¹⁹ Курс Энциклопедии Оккультизма, читанный Г. О. М. в 1911—1912 академическом (!) году в гор. СПб. Вып. I. Состав. учен. (здесь следуют две красные точки размером в грош) № 40. F. F. R. C. R. П. 1912. стр. 121. In... $8\frac{3}{4} \times 5\frac{3}{4}$ вершк.

²⁰ О связи учения Плотина с теорией множеств см. превосходную статью А. Кубицкого: «Учение Плотина о мысли и бытии». Вопр. Ф. и Пс. кн. 98.

²¹ «Arcanum — это тайна, необходимая для познания определенной группы фактов — Курс, р. 1.

ставшее, «природа — и — история» в терминологии Шпенглера, незамкнутый треугольник.

Но и Шпенглер его замыкает. Приоритет становления над ставшим, ясно видимый во всех строках «Заката», заставляет Шпенглера так интерпретировать символ пирамиды: «Для египтянина, пирамида над царским гробом была *треугольником, огромной завершившей* (курсив мой. — *Н. К.*) путь, царившей над ландшафтом плоскостью могущественнейшей силы выражения, с каковой точки зрения он к ней и подходил».

Таков ее символ. И вот каков ее пра-символ.

«Символическим переживанием того, кто шел от ворот пирамидного храма... вверх по закрытому жертвенному пути, сопутствуемый всеми символами бытия в глубокомысленных образах (треугольника? — *Н. К.*) был сам процесс становления пространства, заключающий в себе смысл внешнего мира. Среди этих форм человек чувствовал идентичность становления пространства с жизнью» («Великого бинера?» — *Н. К.*).

Так как «До нас дошел грандиозный памятник символизма египетских школ, в котором связаны все три типа символических представлений. Это колода карт в 75 листов, с раскрашенными изображениями, интерпретирующими так наз. 22 мажорных и 56 минорных арканов (из них первый — «Унитарность»), то Шпенглеру и пирамиды и карты в руку и на руку.

Но и этого мало. Все это относилось в большей мере к содержанию. И метод Шпенглера и его египетской освещенной тьмы «аналогичный». «Второй Аркан», коего числовое значение = 2, «ученое название» — Gnosis... указывает на метод... оккультной науки» (р. 6). «Я говорю о великом методе аналогии, формула которого... в тексте Изумрудных Скрижалей Гермеса: то, что внизу, подобно... тому, что наверху, а то, что наверху, подобно тому, что внизу для вящего развития чудес единой вещи» (р. 7). «Это методологическое указание достаточно для оправдания наименования Gnosis» ... «Текст этот почти не нуждается в комментариях. *Чего только нельзя из него извлечь*» (курсив мой. — *Н. К.*).

О методе Шпенглера — аналогии, была приведена цитата из «Заката» выше.

Я приведу цитату без указания, принадлежит ли она О. Ш. или Г. О. М., и предложу угадать ее автора, касающуюся основоположения: «По организации нашего тела мы можем судить об организации солнечной системы».

Теперь следовало бы просуммировать тождественность идей, их схождение и расхождение. Я это сделать не могу из-за отсутствия различия в одном и том же. Выразусь в магическом стиле: О. Ш. = Г. О. М.

Концепция «Заката» эквивалентна первым лучам восхода культуры. Шпенглеру необходимо было признать, что наука — миф, лишить ее объективной ценности для того, чтобы миф сделать наукой, чтобы, воскликнув: *Le Roi est mort, vive lo Roi!* сейчас же и окончательно прокричать — Да здравствует смерть короля!

И, конечно, провозглашая существование души, в душном психологизме квалифицировать в своей «критике» марксизма материалистическое понимание истории ошибочным, как построенном на фундаменте неправомерного расширения свойств «духа викингов» — психологии англичан на психологию всего человечества²².

Исключив из теории марксизма методологический базис ее — науку, путем догматического отрицания науки вообще, Шпенглер, затем, получает все, что угодно. Это метод «аналогичный» тому, из которого «чего только нельзя... извлечь», по мнению Г. О. М.

Я не сравнил теории Шпенглера в ее изначальных положениях с учением мистиков, а удовольствовался сравнением с толкователем арканов Г. О. М. на том основании, что это значило бы перелиться через край и оказать незаслуженную честь

²² Пруссизм и социализм, кн. 1, стр. 177 и 190.

поверхностной мысли Шпенглера, не поднимающейся выше легкой *causerie*, на скамейках Boulevard de la Bourgeoisie.

В самой «возможности» Шпенглера его ничтожество. В этом *действительном* факте существования такой теории если не величие, то величина признака отчаяния в догматах идеалистического мирозерцания с декретированием догмата отчаяния в будущее, когда «усталая от своих стремлений, западная наука вновь вернется к своему душевному отечеству» (р. 467) и тем завершит в смерти круг «фаустовской» культуры.

Шпенглер, который ко всему готов и которому ничего не жаль, связан обратным отношением с Уэллсом, которому всего жаль и который ни к чему не готов, понявшим ясно, что: «частная предприимчивость оказалась бессильной»²³ восстановить потрясенное экономическое состояние Европы, и предлагающим в качестве мер спасения мировую федерацию государств и душеспасительную Библию Цивилизации в качестве воспитательной меры.

И Шпенглер и Уэллс, эти «диалектики» без триады, увидели и тезис — состояние европейской культуры и антитезис — тупик в ее дальнейшем движении, но не могли дать сколько-нибудь объективного аргументированного третьего.

Это первый раз, что Уэллсу изменила его предвосхищающая и восхитительная фантазия и, вероятно, последний раз осталась верна идеализму вновь родившаяся теория исторического процесса.

Если «*dernier cri*» буржуазии есть замена науки магией и графологией, если такова ее «физиогномия» и таковы ее советы, то в этих действительно бессмертных цветках-иммортелях на могиле теорий прелюдии истории заключается огромное достижение в сфере обесмысливания смысла порочных кругов истории и концепции, построенных на таком фундаменте.

Рамки места не позволяют детализировать эквивалентность смысла теории Шпенглера со... «смыслом» магических «наук», как и указать многочисленные искажения фактов и заведомо ложных «символических» интерпретаций содержаний теоретико-познавательных понятий.

Следует, разве, сказать, что Шпенглер оценивает греческую культуру без Платона (ибо у Платона находится как раз обратное тому, что хочет усмотреть Шпенглер), уже устарел в своих суждениях о физике (об обратимости процессов, так как уже есть гипотеза Вальтера Нернста²⁴) и совершенно неподражаем в области математических, поистине магических умозаключений.

²³ Спасение цивилизации, стр. 66.

²⁴ В. Нернст. Мироздание в свете новых исследований. «Успехи Физических наук». Т. III. вып. 2—3. Гос. Издат. П. 1923.